

Georgij Levinton
Загадка Кузмина

Эта формулировка относится к седьмому стихотворению цикла «Панорама с выносками», озаглавленному «7. Добрые чувства побеждают время и пространство»

Есть у меня вещица —
Подарок от друзей,
Кому она приснится,
Тот не сойдет с ума.

Безоблачным денечком
Я получил ее,
По гатям и по кочкам
С тех пор меня ведет.

Устану ли, вздремну ли
В неровном я пути —
Уж руки протянули
Незримые друзья.

Предамся ль малодушным
Мечтаньям и тоске -
Утешником послушным,
Что Моцарт, запоет.

Меж тем она — не посох,
Не флейта, не кларнет,
Но взгляд очей раскосых
На ней запечатлен.

И дружба, и искусства,
И белый низкий зал,
Обещанные чувства
И верные друзья.

Пускай они в Париже,
Берлине или где, —
Любимее и ближе
Быть на земле нельзя.

А как та вещь зовется,
Я вам не назову, —
Вещунья разобьется
Сейчас же пополам.

Июнь 1926¹

Стихотворение, несомненно, представляет собой загадку в точном (жанровом) смысле слова (что уже отмечалось, см. ниже)², и я хочу обсудить ранее предложенные разгадки, вернее отгадки³ и предложить еще одну⁴. Оговорю сразу же, что загадка Кузмина, видимо, «некорректна», т. е. вряд ли суще-

---

¹ М. Кузмин. Стихотворения. Изд 2-е, исправл. Вст. ст., сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова (Новая библиотека поэта), СПб, 2000. http://www.azlib.ru/k/kuzmin_m_a/tkuzmin1_11.shtml

² В связи с этим жанровым определением Р. Д. Тименчик указал мне (в письме и в выступлении на докладе) на стихотворение, первоначально входившее в тот же цикл (первым по очередности), «Свет мудрости, укрощающий страсти», с темой «угадывания»:

И в теле пламя бушевало...
Как избежать тебя, напасть?
Вдруг надпись четко прочитала
(Вы думаете: „По траве не ходить“?
Совсем, совсем не угадали):

Свет мудрости изгонит страсть! —

(первонач. вар.: «Вы думаете: „Плевать запрещается“?»). О загадках в поэзии см. на материале Пастернака: О. Ронен. Головоломки // Звезда, 2012, № 11 (теперь: О. Ронен. Заглавия. СПб., 2013, с. 344—369), на материале Б. Лившица: М. Л. Гаспаров. Петербургский цикл Б. Лившица. Поэтика загадки // М. Л. Гаспаров. Избранные труды. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997, с. 229—240, близкий подход (выявление другого фольклорного жанра в авторском тексте XX в.) см.: М. Л. Гаспаров. Считалка богов: О пьесе В. Хлебникова «Боги» // Там же, с. 197—211.

ствуется разгадка, которая не противоречила бы ни одному из признаков, названных в стихотворении. Более того, сами признаки могут быть двусмысленными, например: *Кому она приснится / Тот не сойдет с ума* — значит ли это, что вещь опасна и не вызовет у сновидца безумия, или же она способна защитить от безумия, и тот, кому она приснится, [уже / отныне / никогда] не сойдет с ума?

Почти вся историография стихотворения представлена в комментарии Н. А. Богомолова в уже упомянутом томе Кузмина в «Новой библиотеке поэта». Начнем с наиболее простых и «реальных» комментариев (отгадок)⁵. Богомолов отме-

---

³ *Разгадка*, насколько я понимаю это слово, относится к области интерпретации, трактовки, герменевтики, *отгадка* же — термин, в фольклоре и в фольклористике означающий «ответ» на загадку, ср.: «корпус загадок может быть уподоблен толковому словарю, где ответы загадок являются словником, а их тексты — словарными статьями.» (Т. В. Цивьян. *Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок)* // Труды по знаковым системам. [Вып.] 10. Тарту: ПГУ, 1978. С. 65; сходно: Т. В. Цивьян. К семантике *дома* в балканских загадках // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974, с. 45); показательно название ее же статьи: «Отгадка в загадке: разгадка загадки» (Т. В. Цивьян. Язык: тема и вариации. Избранное. М., 2008, Кн. 2. с. 185—205), откликающееся в утверждении, что все, соприкасающиеся с загадкой, «так или иначе, занимаются одним и тем же: отгадыванием загадки и разгадыванием ее сути» (Там же, с. 185).

⁴ Я помню аргументы против изъятия стихов Кузмина из контекста соответствующих циклов (например: Н. А. Богомолова, см. ниже, прим. 20), но именно это стихотворение уже не раз было предметом «обособленного» анализа, и само по себе явно провоцирует на самостоятельное отгадывание.

⁵ Очень любопытный пример — подлинный или кажущийся отказ от интерпретации и отгадки (особенно если учесть, кто автор цитируемой статьи): «Интересно, что в стихах Кузмина простодушная „прекрасная ясность“, которую декларировал поэт, то открыто выступает, ни о чем другом не заботясь, как только о себе самой („Стихов с собой мы брать не будем, / Мы их в дороге сочиним“), то вдруг уступает место скрытым фактам, чему-то сокровенному, что читателю знать не положено („Есть у меня вещь — / Подарок от друзей, / Кому она приснится, / Тот не сойдет с ума“). Нам милее всего то, что продиктовано сердцем („сердце“ — любимое слово поэта), и в этих стихах, независимо от прекрасной ясности, звучит истинная поэзия» (Е. Невзглядова. Афины и Иерусалим в русской поэзии // Звезда, 2012, № 4 <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/4/n14.html>). Как будет ясно из дальнейшего, тут, кажется, проявляется тонкая интуиция, может быть, не осознанная даже автором.

чает: «А. С. Кушнер высказал догадку, что вещица — граммофонная пластинка»⁶. Ср. также замечание А. Пурина: «Есть у меня вещица <...> пишет Кузмин о некоей „вещице“ — вероятно, граммофонной пластинке, которая моцартовской мелодией как бы гарантирует ему вечное общение с его живыми и мертвыми „незримыми друзьями“»⁷. Ср. также: «Свою символическую модель Михаил Кузмин предъявит в загадочном стихотворении „Панорамы <sic!> с выносками“ — „Добрые чувства побеждают время и пространство“. Приведем его целиком <...> По догадке поэта Алексея Пурина, эта вещица — пластинка»⁸. Эта трактовка была встречена очень благожелательно, ее приняли в своем комментарии А. В. Лавров и Р. Д. Тименчик («По предположению А. Кушнера, описываемый в стихотворении „подарок от друзей“ — граммофонная пластинка»)⁹, ее повторяют уже без ссылок, как очевидную, например, на сайте Государственного музея городской скульптуры: «Ясная, солнечная поэзия Кузмина звучала вопреки неумолимой реальности, откликаясь на простые радости жизни. Вот как он написал в одном из поздних своих стихов о подаренной ему граммофонной пластинке: «Есть у меня вещица <...>»¹⁰.

---

⁶ А. Кушнер. Музыка во льду // Новый мир, 1989, № 10. С. 266—267.

⁷ А. Пурин. Двойная тень: Возвращение Кузмина [1990] // А. Пурин. Воспоминание о Евтерпе. СПб.: Журнал «Звезда», 1996.

<http://www.vavilon.ru/texts/purin3-4.html>

⁸ Г. Г. Амелин, В. Я. Мордерер. Миры и столкновения Осипа Манделштама. М.: Языки русской культуры, 2000, с. 155—156), авторы далее комментируют: «И это не просто поэтическое лукавство, а блестящий этюд по философии символа. Не имея решительно никакой возможности остановиться на этом подробно, отметим лишь, что, с нашей точки зрения, это не просто пластинка, а сама символическая структура воспроизведения голоса (музыки), совпадающая с неровной линией Пути. Посох вычерчивает по дороге те же линии, что и игла в своем певучем движении по крутящейся пластинке». Оборвем цитату. Видимо, странник, опираясь на посох, движется исключительно по круту? Но, не имея решительно никакой возможности...

⁹ М. Кузмин. Избранные произведения. Сост., подг. текста, вст. ст. и комм. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Худ. Лит., 1990, с. 549.

¹⁰ Ю. Пирютко. Михаил Алексеевич Кузмин (1872—1936). Литературские мостки: <http://www.gmgs.ru/expoz/musnecr/219-q-q-1872-1936>

А. Д. Синявский дает несколько более «метафизическую» интерпретацию: «Нас не должна обманывать эта система отрицательных сопоставлений, ибо таинственная вещица, конечно, и посох, который помогает в пути, и флейта, и кларнет, поскольку она, сказано, поет, что твой Моцарт, <...>. Но только она шире всех этих частных, включенных в нее определенных»¹¹. Далее, однако, он переходит на уровень реалий: «При всем том не исключено, что под неназванной вещицей Кузмин имеет в виду какой-то определенный предмет, буквальный «подарок от друзей». Таким подарком могли быть хрустальная или стеклянная пирамидка, многогранник или кубик с картинкой, стоявший у него на столе. В начале нашего века подобные безделушки были в моде. Поворачивая этот «кристалл», можно было созерцать различное преломление в его гранях наклеенной снизу картинки и окружающего мира. Все это допустимо представить, поскольку Кузмин, с его тягой к вещественным мелочам, в творчестве подчас отпраивался от какой-то конкретной вещи и ее живописал. Но если и был такой подарок, то в стихах Кузмина он приобрел расширительное и символическое значение»¹². Нужно отметить, кроме того, еще одно наблюдение Синявского: «Взгляд же „очей раскосях“ это, безусловно, печать бога любви — Эрота. В стихотворении 20-го года „Озеро“¹³ Кузмин рассказывает о таинственном видении, которое его посетило в детстве [: о]н встретил прекрасного отрока, в котором можно узнать Эрота, и был поражен, сказано — „Взглядом глаз его раскосях“»¹⁴. Речь идет о следующих строках:

Предо мной стоит подросток
В голубой косоворотке. <...>
Сон мой сладостно распорот

---

¹¹ А. Д. Синявский. «Панорама с выносками» Михаила Кузмина // Синтаксис, 1987, № 20, с. 69. <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=989>.

¹² Там же.

¹³ «Озеро» в цикле «Сны», сб. «Нездешние вечера».

¹⁴ Наблюдение поддержано в комментарии А. Г. Тимофеева: М. Кузмин. Арена: Избранные стихотворения / Вст. ст., сост., подг. текста и комм. А. Г. Тимофеева. СПб.: Северо-Запад, 1994, с. 454—455.

Взглядом глаз его раскосых.
За покатыми плечами
Золоченый самострел¹⁵ <...>

Когда читаешь подобного рода комментарии (несмотря на все оговорки о многозначности), невольно вспоминается логика незадачливых персонажей из сказки о том же жанре загадок — сюжет АаTh 875 («Мудрая дева»). Здесь судья (барин, царь) задает двум спорящим мужикам (братьям) загадки. Старший (богатый) брат думает сам, или ему подсказывает ответы жена или кума, младшему (бедному) — дочка. Не откажу себе в удовольствии привести текст дословно (цитирую вариант Афана­сьева № 328): «Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить. <...> загадал мне государь <...> загадки <...> „[П]ервая загадка — что всего в свете сильней и быстрее?“ — „Экая загадка! У моего мужа карья кобыла есть; нет ее быстрее!“ — „Вторая загадка — что всего в свете жирнее?“ — „А у нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что и на ноги не подымается!“ — „Третья загадка — что всего в свете мягче?“ — „Известное дело пуховик, уж мягче не выдумаешь“». Обычно здесь описывается конкретный пуховик или подушка, поэтому пересказ этих ответов судье или царю получается особенно громоздким и нелепым. *Правильные* ответы, которые дает дочь бедняка: «сильней и быстрее всего ветер; жирнее всего земля <...> Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет». Сходство кажется мне очевидным.

В истории русской филологической науки известен похожий сюжет, разыгравшийся вокруг «магического кристалла», имеется немалая библиография, полемика о том, как он выглядел и т. д.¹⁶

---

¹⁵ О традиции ранящего Эрота («Нехороший мальчик» Г. Х. Андерсена), начиная с Ломоносова, в том числе в размере ЯЗ ЖМ, ср.: Г. А. Левинтон. Заметки о Хлебникове // *Дело авангарда / The Case of the Avant-Garde*. Ed. by Willem G. Weststeijn. Amsterdam: Pegasus, 2008, Заметка 2: Черный царь. с. 273—275, см. там же о загадках.

¹⁶ Обзоры см.: Н. Б. Вернандер Магический кристалл. Малый пушкинский словарь <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200103806>; Ю. С. Сорокин «Магический кристалл» в «Евгении Онегине» <http://feb-web.ru/feb/push->

Совсем иного рода отгадку и комментарий (и в содержательном, и в методологическом аспекте) предлагают П. В. Дмитриев и А. Г. Тимофеев. К ним явно присоединяется и Богомолов, который дает ссылки на обоих (более подробную — на заметку Дмитриева, краткую — на комментарий Тимофеева в изданном им сборнике Кузмина «Арена») ¹⁷ и цитирует песню из «оперетт[ы] Кузмина „Забава дев“», а именно «первоначальный вар<иант> песни одной из султанш, Кандакши, называвшийся „Песня о вещице“<...> (Г<ос.> Л<итературный> М<узей>); в том же экземпляре название изменено на „Песня о тайне“ и внесены некоторые текстуальные изменения)». ¹⁸

Прежде чем процитировать саму песню, скажем чуть подробнее о двух упомянутых публикациях. Заметка П. В. Дмитриева посвящена журналу «Веер» ¹⁹, здесь напечатан куплет из песни Папалуччо из «Забавы дев» (см. текст ниже). Дмитриев сопоставляет название журнала с названием цикла (или «поэмы») ²⁰ «Северный веер» ²¹ — третьего цикла (1925) в книге «Форель разбивает лед», идущего сразу после «Панорамы с выносками», а в примечании к этому месту приводит параллельно фрагменты из «Есть у меня вещица» и «Песни о вещице»: «Со

---

kin/serial/isc/isc-335-.htm. «М. Ф. Мурьянов, полемизируя с Н. О. Лернером, отмечает у последнего „неосторожный перенос торгового ассортимента посудных лавок конца XVIII — начала XIX века в дворянскую культуру первой четверти XIX в.“» (Вернандер. Указ. соч.). Любопытно, что с *кристаллом*, в том числе и магическим, сравнивает «вещицу» и Сияньский (цитируя, в частности, стихотворение «Держу невиданный кристалл» — Новый Гуль, 11).

¹⁷ Как и в предыдущем случае, не будем выяснять вопросов приоритета и преемственности. Богомолов пишет: «впервые в печати указано П. В. Дмитриевым» (его заметка вышла в 1993 г.), «Арена» датирована 1994 г., т. е. комментарий мог быть написан раньше, и ссылки на Дмитриева в нем нет.

¹⁸ Н. А. Богомолов. Комментарий // М. Кузмин. Стихотворения.

¹⁹ П. В. Дмитриев. Журнал «Веер» [1911, № 1], // НЛО, № 3, 1993, с. 336—340.

²⁰ См., например: Н. А. Богомолов. Жанровая система русского символизма: Некоторые констатации и выводы // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века: Материалы конференции (Иерусалим, 2003). М.: Водолей, 2008, с. 81, 83—84, прим. 29; То же // Н. А. Богомолов. Вокруг серебряного века. Статьи и материалы. М.: НЛО, 2010, с. 30, 570, прим. 32.

²¹ П. В. Дмитриев. Указ. соч. с. 339

стихотворением 1926 г. его роднит размер, „жанр“ („загадка“) и буквальные текстовые совпадения»²². Таким образом, впервые точно назван жанр стихотворения (хотя монолог султанши требует более сложного жанрового определения).

А. Г. Тимофеев в своем комментарии к стихотворению почти эксплицитно (насколько допускает предмет) формулирует вывод из этого сопоставления, т. е. отгадку. «Нам представляется, что загадка может быть разгадана путем обращения воображения к сокровенным тайнам человеческого тела»²³. В этом нас убеждает „Песня о тайне“ из комической оперы Кузмина „Забава дев“ (1908—1911, пост. 1911), являющаяся очевидной аналогией стихотворения о „вещице“. В „Забаве дев“ песня исполняется старой султаншей Кандакшей для султана; по ее словам это „старинная песня не о волосах, не о руках, но о тайне, которую да позволено будет мне не называть“»²⁴.

Приведем теперь песню султанши — в первоначальном варианте (в тексте оперетты она дана в окончательной редакции *Песня о тайне* с зачином: *Есть тайна небольшая*) и некоторые сведения о ее контексте.

---

²² Там же, с. 340, сн. 6.

²³ Эта формулировка вызвала гнев рецензента: «Есть у Кузмина таинственное стихотворение о Zeitraum'e. Оно называется „Добрые чувства побеждают время и пространство“ и описывает некую неназванную „вещицу“, способную утешать, возвращать прошлое, приближать отдаленных друзей. Загадку расшифровать почти невозможно, а может быть, и не нужно. Но очевидно, что „вещица“ эта прямо связана с высоким, духовным — искусством, Моцартом, музыкой... Нам, однако, жителям промежутка, добрых чувств словно не у кого занять. И вот, обратив, видимо, внимание на упомянутые в стихах „продолговатые“, по Фрейду, предметы — посох, флейту, кларнет, устремив взор в некую метафизическую промежуточность Zeitraum'a, А. Тимофеев пишет в своем примечании буквально следующее: „Загадка может быть разгадана путем обращения воображения к сокровенным тайнам человеческого тела“. И тут, как вы сами понимаете, — „конец перспективы“...» (А. Пурин. Архивисты и новаторы [1992] // А. Пурин. Воспоминание о Евтерпе. СПб.: журнал «Звезда», 1996. <http://www.vavilon.ru/texts/purin3-19.html#1>). За два года отношение автора к загадке сильно изменилось. С другой стороны, цитата из Бродского вроде бы противоречит ссылке на Фрейда: о мужских или о женских органах идет речь?!

²⁴ А. Г. Тимофеев. Комментарии // М. Кузмин. Арена: Избранные стихотворения, с. 453—454.

Песня о вещице

Вещица небольшая,
Но всем она мила:
Там радость пребольшая
Гнездо свое свила.
Покоец невеликий
Ах, в каждом, в каждом есть.
Обвитый повиликой,
Он приглашает сесть.
Охотно посещая
Сей сладостный покой,
Судьба нам мнится злая
Судьбой уже не злой.
Отведав меда, пчелка
Назад к цветку летит,
Но кто боится волка,
Из лесу пусть бежит.
А как та вещь зовется,
Я не открою вам,
Лишь кем она берется,
Тот угадает сам.²⁵

Цитированное Тимофеевым предуведомление султанши обусловлено тем, что она поет третьей по очереди, после двух более молодых жен султана, песня первой из них посвящена волосам, второй — рукам, что лишний раз подтверждает (сверх необходимости!), что *тайна* или *вещица* представляет собой часть тела (как и сама «забава дев»). Но в сопоставлении с «Есть у меня вещица» эта реплика оказывается родственной отрицательным конструкциям («она не посох, не флейта, не кларнет»), характерным для некоторых типов загадок. На песню о волосах (на ее заключение: «Покоится не споря, / Кто раз в их сеть попал: / Навеки он пропал, / Как ключ в глубинах моря») султан отвечает «<...> песенка довольно двусмыс-

---

²⁵ М. Кузмин. Театр. В 4-х тт. (в 2-кн.). [т.] IV. Сост. А. Тимофеев. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1994, с. 113 (окончательный вариант — *Песня о тайне*), 391 (о первоначальном варианте — *Песня о вещице*).

ленная: надо иметь хороший ключ, чтобы раскрыть самое тебя» (с.111).

Оперетта *Забава дев*²⁶ написана в 1908 и 1911 гг.²⁷ (премьера — 11 мая 1911 г.), ее название представляет собой эвфемизм типа «Девичья игрушка»²⁸ — то есть и тут речь идет об определенной части тела. Имя героя оперетты Учеллино (который по сюжету гримируется под птицу)²⁹ тоже двусмысленно: это уменьшительное от итал. *ucello* ‘птица’ (*ucellino* ‘птичка’,

---

²⁶ М. Кузмин. Театр, [т.] IV, с. 84—139, комм. 385—392 (комм. к «Забаве дев» написан А. Г. Тимофеевым совм. с П. В. Дмитриевым). В письме к В. Ф. Нувелю 7 сент. 1908 она названа «Оперетта (Singspiel) „Забавы дев“» (см.: Там же, с. 387). Напомним, что определение Singspiel применяют и к «Волшебной флейте», и к «Похищению из серая» (в принципе, сюжет оперетты может быть кратко суммирован этим названием — о переключках «Забавы дев» с Моцартом см. там же, с. 390—391), что существенно, учитывая упоминание Моцарта в «Есть у меня вещица». Сопоставление «Песни о тайне» с этим стихотворением есть и в этом комментарии — см. с. 391.

²⁷ Так в комментарии в указ. издании. В кн.: Н. А. Богомолов, Дж. Э. Малмстад. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М.: НЛО, 1996, с. 145: «окончена 3 октября 1908» (о постановке — там же, с. 164). Ср. еще в кн.: Н. Богомолов. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М.: Изд-во Кулагиной, 2011, с. 57: «10 сентября 1908 г. в хроникальной заметке газеты „Новая Русь“ сообщалось: „На днях возвращается в Петербург М. Кузмин. Он обнаружил за лето редкую плодовитость <...>“ Следом за этим гораздо более подробно рассказывается об оперетке „Забавы дев“».

²⁸ Ср. к слову *забава*, в несколько ином значении, но тоже в эротическом контексте: «Образовался маленький музей, — / Меж хламом *есть занятные вещицы*, <...> Есть у меня *еще одна забава*, / Но не вполне закончена она. / Я все ишу вторую половину» («Форель разбивает лед». 10 удар)

²⁹ Для второго героя («помощника») Папалуччо (тоже с уменьшительным суффиксом) столь очевидной этимологии не находится (по крайней мере, в пределах моей компетенции), в качестве более отдаленных можно назвать итал. *parpagallo* ‘попугай’ и, м. б., моцартовского Папагено — птицелова из «Волшебной флейты» (что соответствует его сюжетной роли в оперетте). Для общего эротического тона пьесы характерна финальная угроза Султана всех посадить на кол и жалоба «отчего я сам себя не могу посадить на кол» (с.139), не могут ли они отражать старый исторический анекдот гомосексуального характера: «Покойный Соллогуб, встретясь с Титовым, который был назначен посланником в Константинополь, сказал ему на прощанье: „Когда там, *mon cher*, посадят тебя на кол, то вспомни обо мне“» (С. П. Anecdota. Из записной книжки П. И. Миллера. // НЛО № 3, 1993, с. 204) — по странному совпадению, он напечатан в том же номере НЛО, что и сопоставление «Песни о Вещице» с «Панорамой с выносками», а также

‘птенец’), но слово *иселло* часто выступает как обозначение мужского органа³⁰. Именно это подчеркивает песня, представляющая «птицу», в которой слова *забава дев* выступают в обоих этих значениях:

Зовутся те дивные птицы
Зовутся «забавами дев».
<...>
Под дубом дева мечтает,
Находит легкий сон,
А в полночь птица слетает
И мигом союз заключен.
До утра страсть ее нежит,
До утра сладкий рай. <...>

Припев:

О плащ сними,
Любовь возьми,
Возьми открыто,
Ведь плащ надев,
Забава дев
От нас уже сокрыта. (с. 98—99)

Далее отголосок этого припева возникает в песенной реплике той же старой султанши Кандакши, которой принадлежит *Песня о вещице*:

пьеса «Зеркало дев», которая ассоциируется и смешивается с «Забавой дев» (см. там же, с. 148). Более ранних публикаций я не знаю, но в случае анекдота даже «исторического» или «литературного» нельзя исключить устного его распространения.

³⁰ Показательны на этом фоне черновые названия оперетты (М. Кузмин. Театр, с. 387): «Говорящая птица» (видимо навеянное сюжетами вроде *Les bijoux indiscrets*) и «Султанский соловей» (ср. тему соловья в отражениях сюжета 4-й новеллы 5 дня *Декамерона*, см. об обоих мотивах: Г. А. Левинтон, Н. Г. Охотин. «Что за дело им — хочу...» О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей» // Литературное обозрение, 1991, с. 29, 33, 34, сн. 35). Последний вариант было бы соблазнительно сопоставить (вопреки хронологии?) с названием сказки Ремизова «Султанский финик» (по авторской датировке — 1909, впервые опубли.: А. Ремизов. Заветные сказы. М.: Алконост, МСМХХ, см. также: http://www.rulit.net/programRead.php?program_id=212682&page=111#comm007004).

Сгублю царицу,
Поймаю птицу,
Ей плащ сниму,
Любовь возьму! (с. 131)

Как уже отмечено выше, жанр *Песни о вещице / о тайне* вместе с ее финальным отказом назвать воспеваемый объект был справедливо определен как загадка, так же как и само разбираемое здесь стихотворение³¹. Однако песня Султанши имеет и другой жанровый образец, а именно шансонетку, с характерным для нее колебанием между «загадкой» и прозрачным эвфемизмом. Именно жанр шансонетки культивирует эвфемистические «кеннинги», сошлюсь на пример, который приводит в своих воспоминаниях А. Мариенгоф:

Я скрипочку имею,
Ее я не жалею,
А у кого хорош смычок,
Пусть поиграет тот разок...³²

Обценная отгадка для загадки Кузмина кажется вполне естественной. *Вещь, вещица*³³, *штучка, безделка, кое-что* — очень

³¹ Надо отметить в нем рифму в *Париже* — ближе, которая вводит одновременно фольклорные и театральные ассоциации, этот «полународный комический стих, построенный на игре слов: „был в Париже, был и ближе, был в Италии, был и далее...“» (В. М. Жирмунский. Рифма ее история и теория. Пб., 1923, цит. по: В. М. Жирмунский. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975, с. 375) чаще всего встречается в «народной драме», напр.: *Мнимый барин* (Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, с. 124—133, цит. по: Фольклорный театр. Сост., вступ. ст. А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М.: Современник, 1988 с. 64), *Петрушка* (Фольклорный театр, с. 316—317), *Царь Максимилиан*, реплика Аники-воина (там же, с. 208) и др. Эта рифма появляется и в коллективном послании Мейерхольду (театральная тема) с участием Кузмина: «Будь ты дальше, будь ты ближе, / Всем нам близок, милый друг. / Знаем, знаем: ты в Париже / И не явишься к нам вдруг» (см.: Н. А. Богомолов, Дж. Э. Малмстад. Михаил Кузмин, с. 161).

³² А. Мариенгоф. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988, с. 277, ср. также другой пример ниже.

³³ Ср. в игровой песне советского времени, которую я знаю из устной традиции (от своего отца, 1913 года рождения), песня начиналась: «Четыре инженера / Пришли в универмаг» (помню только фрагменты): «Над ними

обычные эвфемизмы гениталий, часто с доминирующей темой 'малости, ничтожности'³⁴ (откуда *игрушка*, в том числе и «Девичья игрушка» — название сборника барковской традиции) вплоть до Пушкинского «ничего иль очень мало»³⁵.

Еще одна черта, сближающая стихотворение с загадкой и свидетельствующая в пользу «генитальной» трактовки, — это отрицательный параллелизм³⁶, точнее, формула «не то-то, но...», типа «черен, да не ворон» или «не лает, не кусает, а в дом не пускает» («апофатический» аспект загадки, хотя по существу модель «такой-то, а не X» или «делает то-то, а не X» — это основа всякой загадки и даже всякой метафоры). Именно такой характер носят строки *Она не посох, / Не флейта, не кларнет*³⁷, также провоцирующие фаллическую отгадку, ср. специально о загадках: «„Все, что торчит вверх, длинное“ — может быть мужским символом, напр., палки, зонтики, деревья, колья, карандаши, ручки, молотки»³⁸. *Не кларнет* — выделяет-

---

продавщица / Смеется и острит / И им сулит вещицу / Приятную на вид...» Кажется, что на подобный узус ориентированы и примеры другого типа, вроде: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять — *премилая иногда вещица*» (Ф. М. Достоевский. *Записки из подполья*). В кн. L. de Landes. *Glossaire Erotique de la Langue Française*. Bruxelles, 1861, p. 72 — целый ряд эвфемистических употреблений таких слов как *chose*, *autre chose* (ср. русский песенный аналог: «И кое-что еще / И кое-что иное...»), *petit chose* (p. 22), *chosette* (p. 72 — из Рабле) «Ma trinité, c'est la bouche de rose, / La sein de lis, puis encore autre chose» (Парни, 'моя Троица — уста как розы, лилейная грудь, и еще кое-что другое').

³⁴ Ср. пример, который на этом фоне выглядит как калька с французского *si peu de chose*: «Это *такая маленькая вещь*, а мужчине такое облегчение» (В. Набоков. Приглашение на казнь. Анн Арбор, 1979, с. 43).

³⁵ См.: Г. А. Левинтон, Н. Г. Охотин. «Что за дело им — хочу...» с. 33 прим. 27 и др.

³⁶ В *Песне о тайне* он представлен сопоставлением с другими песнями (о волосах и о руках).

³⁷ Сочетание *посох* и духового инструмента может, в принципе, иметь символистский подтекст: «От неба мой *посох*, / От неба — *свирель*...» (Ю. Балтрушайтис. *Альпийский пастух* / Ю. Балтрушайтис. Горная тропа. Вторая книга лирики. Москва: Скорпион, 1912, цит. по.: Ю. Балтрушайтис. *Дерево в огне*. Вильнюс: Vaga, 1983, с. 101).

³⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996, с. 523 (1 изд.: Академику Н. Я. Марру —

ся из этого ряда, т. к. в более раннем тексте Кузмина (в *Занавешенных картинках*) *кларнет* выступал как откровенный генитальный эвфемизм:

Кларнетист мой, кларнетист,
Приходи ко мне с кларнетом.

Ср. также в «Форе́ли» («Четвертый удар»):

Рожок с *кларнетом* говорит,
В объятых арфы *флейта* спит.

Рожком в цитируемом ниже стихотворении из «Вожатого» названа валторна, т. е. *круглый* инструмент. К теме духовых ср. еще, может быть, англ. *fagot, faggot* (груб. 'гомосексуалист' преимущественно в американском английском) при *fagott, fagotto* 'фагот'³⁹.

Все перечисленное указывает на «фаллическую» отгадку. Однако пуант заключается в том, что перед нами другой жанр. Если в *Забаве дев* загадка имеет вполне очевидное и единственное решение, то стихотворение из «Панорамы с выносками» — это тип загадки с двумя ответами: явно неприличная загадка, у которой вдруг оказывается вполне приличная отгадка. Этот тип лаконично и полно описал польский славист А. Брюкнер: «najpospolitszy to typ zagadkowy, wyrażenie rzeczy nainewinniejszej jak najsprośniejszej ('это самый обычный тип загадок: выражение самой невинной вещи как самой похабной')»⁴⁰. Для краткости приведу пример, записанный экспедицией Театрального института (ЛГИТМиК) в Кириш-

---

Академия наук СССР. М.—Л., 1935, с. 497—505, см. также <https://sites.google.com/site/viktorovcharenko/psycholibrary/adrianova-peretc>. Кавычки у Адриановой-Перетц выделяют точную цитату из Фрейда, остальное — пересказ. Не знаю, относится ли упоминание Фрейда в рецензии А. Пурина к этой статье или к некоторой общей мифологеме.

³⁹ Другие «отрицаемые» вещи: *не посох* — который, тем не менее, ведет по гатям и по кочкам, несколько напоминает волшебный предмет из сказки (путеводный); *не флейта* — очень отдаленно ассоциируется с соответствующей сценой в «Гамлете».

⁴⁰ A. Brückner. *Kobieta — przewizwisko obelżliwe* // A. Brückner. *Początki i rozwój języka polskiego. Wybór prac*. Warszawa: PWN, 1974. S. 350.

ском районе Ленинградской области в 1971 г.: «Два яичка во мху да морковка наверху — глаза и нос». Разумеется, в такой загадке важен не сам «приличный» ответ, а «напряжение» между приличным и неприличным ответами, приличная отгадка не отменяет неприличной, но, скорее, «остраняет» ее⁴¹, то есть и предлагаемая далее отгадка не отменяет предыдущую, хотя, конечно, соотношение в стихах не столь ясно, как в фольклорной загадке⁴².

Отгадку, я полагаю, дает, прежде всего, подтекст: финал стихотворения цитирует заключительный стих одного из самых известных стихотворений Гейне (Лирическое интермеццо, 39):

Ein Jüngling liebt ein Mädchen,
Die hat einen andern erwählt;
Der andre liebt eine andre,
Und hat sich mit dieser vermählt.
<...>
Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;
Und wem sie just passiert,
*Dem bricht das Herz entzwei.*⁴³

---

⁴¹ Вопроса о том, какой ответ нужно считать «правильным», я касался в докладе «Чего же все-таки нельзя (когда и где)» на XVII Лотмановских чтениях 2009 г., к сожалению, не вполне адекватно переданном в обзоре В. А. Мильчиной (вопреки ее обыкновению): В. Мильчина. Вещи, о которых да. „Конструкция дозволенного, или Вещи, о которых не...“ XVII Лотмановские чтения (ИВГИ РГГУ, 17—19 декабря 2009 г.) // НЛО, № 104, 2010. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/mi46.html>

⁴² Так, вариант процитированной мной загадки бытует и с более грубой отгадкой, см.: Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. М.: Ладомир, 1997, с. 515, № 11.

⁴³ До стихотворения Кузмина было 6 русских переводов, после — еще три (Генрих Гейне. Библиография русск. переводов и критич. лит. на русск. языке. Сост. А. Г. Левинтон. М.: Изд. Всесоюзн. книжн. палаты, 1958, с. 172—173, №№ 1409—1417), ни в одном из просмотренных мною не передан мотив расколотого пополам сердца, ближайшее: «И тот, с кем оно приключится, / Навеки сердцем угас» (пер. В. Зоргенфрея // Г. Гейне. Собр. соч. в 10 тт. т. 1, с. 71).

Это пример особого явления, кажется, еще не замеченного, а именно — цитирования в силлаботонических стихах строк из дольника, совпадающих с тем или иным силлабо-тоническим размером.

На *сердце*, несомненно, указывает, кроме подтекста, еще и слово *вещунья* — иначе это слово придется понимать в духе *Les bijoux indiscrets* — говорящих гениталий! Здесь оно выступает не просто как пароним *вещицы* (и *вещи* в той же строфе, что *вещунья*), но как ее квазиэтимологический⁴⁴ двойник (на фоне подлинной этимологической фигуры: А как та *вещь* зовется, / Я вам не *назову*). У Даля фигурирует слово *вещица*, видимо, омонимичное нашему, со значением 'ведьма', 'вещунья', ср. вообще примеры из Даля под сл. **вѣщать**: **Вѣщевать** <...> || Предчувствовать, предвѣщать. *Сердце мое вѣщует*. **Вѣщун** м. и **вѣщица** ж. *сиб., ниж.* **вѣщунья**, **вѣщуйка** ж., вѣжливец, вѣдун, колдун, волхв, <...>, ворожея, предсказатель, прорицатель. <...> *Вѣщица*, *прм.* Ведьма, которая <...> улетает в трубу сорокой || *Вѣщица*, *сиб.* птица сорока <...> *Сердце вѣщун*, *душа мѣра* о пище. *Сердце вѣщун*: *чует добро и худо*.⁴⁵ Ср. еще: *Сердце сердцу вѣсть* подает (Даль, и п. сл. **вѣсть**, и п. сл. **сердце**); сердце чует (слышит).

Слово *сердце* Е. В. Невзглядова справедливо назвала «любимым словом» Кузмина⁴⁶, ср. также формулировку А. Д. Снявского (непосредственно после описания «пирамидки»): «Этот подарок хранил он уже не на столе, а у себя в сердце, которое он тоже иногда уподоблял стеклянному или алмазному кристаллу». Если его догадка о раскосых очах Эрота верна, то

---

⁴⁴ *Вещь* и *вещий* по Фасмеру не связаны этимологически, но ср. польск. *wieszcz* 'поэт-пророк, мудрец' (это важно не как этимологический аргумент, а как межъязыковой омоним); у Брюкнера: *wieszcy* стар. 'колдун (*czarownik*)' (*wieszczek*, *wieszczka*, *wieszczycy* даже 'призрак', 'привидение'; 'упырь' ('*upiór*' i '*upiorzyca*') — А. Brückner. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Kraków, 1927], Warszawa, 1970, s. 619 (s. v. *wieść*).

⁴⁵ В. И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка. т. I. М., 1955. (в цитатах из Даля опускаю еры, но сохраняю яти, курсив и полужирный шрифт — оригинала, подчеркивания — мои. — Г. Л.).

⁴⁶ Е. В. Невзглядова. Афины и Иерусалим в русской поэзии (цитату см. выше).

ср. такой контекст, сближающий *Эрота, сердце* и *загадку* в цикле *Песеньки* (sic!):

Сердца гибель не близка ли?
Для меня это не тайна.
Мы *Эрота* не искали,
Мы нашли его случайно,
Розы алые сорвав.

Крылья нежные расправил,
И хохочет, и щекочет,
И без цели, и без правил
Сердце бьется, сердце хочет,
Муки сладкие узнав.

То *Эрот* иль брат *Эрота*,
Что поет так нежно-сладко?
Ах, напрасная забота,
Уж разгадана загадка
Тем, кто пьян, любовь узнав.

(*Глиняные голубки, Песеньки, 5*)

В предыдущем стихотворении этого цикла (*Песеньки, 4*) также центральной темой является *сердце*, причем оно, видимо, сближается с кристаллом:

Сердце — зеркально,
Не правда ль, скажи?

<...>

Мы сядем вдвоем,
Сердце к сердцу прижмем.
Зеркало верно,
Не правда ль, скажи?

<...>

Мы сядем вдвоем,
Сердце к сердцу прижмем.
Сердце все ближе. —
Чьи там черты?

В обоих твои же.
Все ты да ты.⁴⁷

Другой круг контекстов определяется размером стихотворения (и *Песни о тайне*) — ЯЗжм. М. Л. Гаспаров в работе об этом размере⁴⁸ отмечает только два стихотворения Кузмина — оба из «Вожатого», при этом «Есть у меня вещица» и «Песня о вещице / тайне» здесь не упомянуты. Одно из них — стихотворение «Хлыстовская» (1916) из цикла «Русский рай», здесь сердце появляется в первой же строке:

О, кликай, сердце, кликай!
Воздвигни к небу клич!
Вельможный день, великий
Тем кличем возвеличь!

Далее важна тема игры на музыкальных инструментах:

Струи на струны руки,
Ударь, ударь, ударь!
<...>
Звончей звените, гусли!
Урчи громчей, тимпан!
<...>

Во втором стихотворении соотношение тем противоположное: стихи в целом посвящены игре на духовом инструменте (но не «длинном» — на валторне) и входят в ту ветвь ЯЗ, которую М. Л. Гаспаров определил как «песня»:

Вдали поет валторна
Заигранный мотив,

---

⁴⁷ К последним строкам ср. в *Новый Гуль* 11: «Держу невиданный кристалл, / Как будто множество зеркал / Соединило грани. <...> Но как кристалл ни поверну — / Все вижу образ Гуля».

⁴⁸ М. Л. Гаспаров. «В минуту жизни трудную» (3-ст. ямб: дифференциация ореола) // М. Л. Гаспаров. Метр и смысл. М.: РГГУ, 1999, с. 93, 108, 119; ценные дополнения см.: Н. М. Сегал (Рудник). «Поэты духа»: Вячеслав Иванов и Борис Пастернак // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века, с. 322—357.

Так странно и тлетворно
Мечтанья пробудив.

И как-то лень разрушить
Бесхитростную сеть <...>

Сердце же появляется в них в близкой ассоциации с темой «неприличного»:

И знаешь ведь отлично,
Что это все - пустяк,
Да вальсик неприличный
Не отогнать никак.

И тошен, и отраден
Назойливый рожок...
Что пригоршнею градин,
Он *сердце* мне обжег.

Видимо, эти стихи прямо связаны с «Почтовым чиновником» Гумилева (опубл. 1914), тоже ЯЗжм; прямая реминисценция стихотворения Гумилева появляется в «Есть у меня вещица»:

Пускай они в Париже,
Берлине или где

и

Что пользы, глупый чижик,
Что пользы нам грустить,
Она теперь в Париже,⁴⁹
В Берлине, может быть.⁵⁰

---

⁴⁹ Рифма же *чижик* — в *Париже*, видимо, восходит к «Колыбельной» Саши Черного со сходной темой: «Мать уехала в Париж... / И не надо! Спи, мой чиж.»

⁵⁰ Видимо, именно это припоминание побудило А. Д. Сиявского заметить: «На темных улицах, где погибают артисты, он продолжал петь, как веселый и добрый шарманщик, на мотив заунывной «Разлуки»: Есть у меня вещица...» ср.: «„Почтовый чиновник“ Гумилева (1914, первоначальный подзаголовок „Мотив для гитары“ <...> с цитатой-образцом в концовке: „Разлука ты, разлука, Чужая сторона!“» (М. Гаспаров. Метр и смысл, с. 102).

Наконец, в контексте сб. «Вожатый» строка *И как-то лень разрушить* прямо связывает рассматриваемый комплекс (или, по крайней мере, это стихотворение) с едва ли не самым известным стихотворением Кузмина о сердце:

Какая-то лень недели кроет,
Замедляют заботы легкий миг, —
Но *сердце* молится, *сердце* строит:
Оно у нас плотник, не гробовщик.

Нужно отметить, что эти тексты, как почти все остальные, которые, на мой взгляд, контекстуально связаны с рассматриваемыми здесь, возникли позже оперетты (стихи «Вожатого» — даже намного позже) и раньше «Панорамы с выносками»; иными словами, позволительно представить себе, что контексты, связанные с размером или с некоторыми темами, образуют своеобразную семантическую среду, или как сказали бы в 60-е годы — оператор, который (которая) преобразует шансонетку в загадку или загадку обценную в загадку с двойным ответом, т. е. вводит в нее тему *сердца*. Хотя такое предположение или описание совершенно не обязательно, в том смысле, что трансформация понятна и без него.

Итак, намечается два типа отгадок: «вещественные» и «органические», напомним еще раз, что во втором случае «приличная» отгадка не отменяет полностью неприличной. Строка *Подарок от друзей* остается загадочной при любой «органической» отгадке, будь то гениталии или сердце⁵¹, однако это не аргумент против такой отгадки. У нас не может быть никакой уверенности в том, что загадка имеет одно решение (даже наоборот) и что это решение лишено противоречий. Более того, нельзя исключить и того намеренного запутывания загадки, которое Б. Лившиц назвал «Сциллой армянского анекдота» (т. е. так называемой «армянской загадки»): «Образ анекдоти-

---

⁵¹ Получение части тела в «подарок» фигурирует в обценной песне, первоначально, вероятно, шансонетке: «Гитару мне мама подарила, / Когда на свет я родилась», — пример, довольно близкий к шансонетке, цитируемой выше по воспоминаниям Мариенгофа. О метафоре гитары и скрипки см. в другой работе автора.

ческого армянина, красящего селедку в зеленый цвет, „чтоб не узнали“»⁵².

Postscriptum. На обсуждении моего доклада на конференции к 100-летию И. З. Сермана в Иерусалиме было выдвинутое неожиданное решение, в ряде отношений снимающее противоречие между «вещественными» и «фаллической» отгадками и хорошо согласующееся с темой «подарка». Его предложила Елизавета Валентиновна Кирпичникова (внучка акад. Л. С. Берга). По ее мнению, друзья прислали Кузмину *godmiché*⁵³, который является одновременно музыкальной шкатулкой и играет что-нибудь вроде *Eine kleine Nachtmusik*. Первоначально она предположила, что предмет сделан в Китае или Японии («взгляд очей раскосых»). *Вещица*, таким образом, должна как бы заменить отсутствующих друзей («Но ближе быть на земле нельзя»). Отвергая «вещественные» интерпретации, я не могу не отдать должного оригинальности и стройности этого экспромта, учитывающего, кажется, наибольшее количество признаков из всех предлагавшихся отгадок. Видимо, не случайно у Кузмина столько раз появляется имя *Лиза* или *Лизетта*⁵⁴. Была даже рукописная книга (рукой Ю. Юркуна) «Лизанькин часовник, или Сборник эротический»⁵⁵.

---

⁵² Б. Лившиц. Полутораглазый стрелец. Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Сов. писат., 1989, с. 338—339, см. также <http://livshic.ouc.ru/polytoraglazii-strelec.html>. См. об этом аспекте загадки: М. Л. Гаспаров. Петербургский цикл Б. Лившица. Поэтика загадки // М. Л. Гаспаров. Избранные труды. Т. II, с. 232.

⁵³ В России предмет ныне более известен под его английским именем *dildo*, если не прибегать к замечательному канцеляризму *фаллоимитатор*.

⁵⁴ См. «Звезды сверху, звезды снизу» («Глиняные голубки»), «Серенада» («Сети»), «Гете» («Нездешние вечера»).

⁵⁵ Лизанькин часовник, или Сборник эротический. В Туле 1908 (обозначение места и года «издания» — фиктивные, вероятно, 1918). См. описание: Н. А. Богомолов, С. В. Шумихин. Книжная лавка писателей и автографические издания 1919—1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990, с. 130.